

Владимир
КОЛЫЧЕВ

НЕ
ВОЗЖЕЛАЙ

Москва
2023

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
К60

Колычев, Владимир Григорьевич.
К60 Не возжелай / Владимир Колычев. — Москва :
Эксмо, 2023. — 352 с. — (Преступные страсти.
Криминальные романы В. Колычева).

ISBN 978-5-04-186599-3

Частное охранное предприятие Захара Байкалова давно работает с местным химкомбинатом. Но неожиданно ситуация меняется. Растущие доходы производства привлекают столичных воротил. На комбинате начинает хозяйничать новый директор, и первое, что он делает, — назначает на место Захара своего сына Олега. Однако бывший криминальный авторитет Байкалов не привык к такому обращению. Он берется показать наглецам, кто в доме хозяин. Тем более что московский выскочка Олег посягнул не только на часть его бизнеса, он еще положил глаз и на зазнобу Захара. А такое уж точно не прощают...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-186599-3

© Колычев В., 2018
© Оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2023

Глава 1

Облака — кисельное нагромождение взбитых пуховых перин. Разогнаться, сигануть с горы на линию горизонта и с высоты птичьего полета рухнуть в эту бодрящую мякоть. Нереально? Пожалуй. Но Захару казалось, что для него нет ничего невозможного.

В юности он облазил Кукуй-гору вдоль и поперек — проверить себя, поймать кайф от острых ощущений. Повзрослев, он поднимался сюда вместе с Зойкой — пощекотать нервы, зарядиться адреналиновой энергией. И главное, изгнать из их отношений скуку и сбросить ее вниз со скалы. Они забирались на самый край большого камня, нависающего над пропастью, и занимались любовью с риском для жизни. Ощущения — как приход для наркомана. К ним тянуло снова и снова. Может, потому и появилась у них с Зойкой идея построить дом на Кукуй-горе. А через год после того, как они задались целью, появились и возможности.

На горе фундамент ставить не обязательно, там и без того каменная порода, но Захар все же не стал отступать от правил. И ленточный фундамент будет — десять на двенадцать, и сруб из толстых бревен поставят. Материалы относительно недорогие. Относи-

тельно доставки. Пришлось нанимать вертолет, а это деньги на воздух. Если бы не связи, которые помогли сэкономить, Захар бы разорился.

Материалы уже на месте, бытовка стоит, электрический кабель бросили, насос уже качает из Водь-реки. На днях подтянется бригада строителей — из дальних краев. И альпинисты будут. Захар не стал привлекать людей из Алтанайска, не хотел привлекать внимание местных к своему дому. Работать ему приходится на острие ножа, воткнутого в гущу криминала, да и менты имеют на него зуб. Пусть это будет его тайная обитель.

Строительство еще не началось, но бытовка уже стоит. Вагонка новенькая, свежий запах сосновой смолы отгоняет комаров, спать в этом вагончике одно удовольствие. А если еще и с Зойкой, да после встряски на краю обрыва...

Захар потянулся, лег на землю, отжался двадцать пять раз. И стал подниматься.

— Эй, не сачковать! — возмущенно протянула Зойка. — Давай пятьдесят!

Захар и не заметил, как она подошла.

— Вот когда полтинник стукнет, тогда будет пятьдесят. А пока что четвертной.

— А за меня?

Захар усмехнулся, глянув на Зойку. Девчонка в полной боевой, в смысле, в чем мать родила. Солнце сегодня с утра теплое, ветра нет, а если погода как в раю, то и гулять нужно голышом. И если фигура как у юной Евы, когда топорщится только там, где надо, а лишнего нет и не свисает.

— Двадцать три раза? — Захар качнул головой.

Он бы мог отжаться за ее двадцать три года, ему не в тягость, но уж лучше пусть Зойка сама за себя постарается. А он посмотрит — как она голышом. Наверняка это будет занимательное зрелище.

— Давай! — потребовала она.

Но Захар усмехнулся, качая головой. Он взглядом давал понять, чего хочет, и Зойка понимала его.

— Хочешь, чтобы я сама... В чем стою?..

— Доброе утро, жена!

Месяц прошел, как отгуляла и отплясала свадьба. Была у Захара женщина, которую он любил не меньше, чем Зойку, но это не помешало ему поставить штамп на своей свободе. И ничего, все нормально. Сожаления, может, и есть, но в холодном поту Захар не просыпается.

— Двадцать три раза? — спросила Зойка, подталкивая себя к капитуляции перед мужем.

— Если ты пацан, — усмехнулся Захар.

Было время, когда Зойка была в их компании за пацана. И относились к ней соответственно. Время попыталось расставить все по местам: Зойка повзрослела, налилась женственностью, как яблоко — соком. Сначала на нее запал Жак, но Зойка показалась ему легкой добычей, он бросил ее и продолжил охоту. А чуть погодя из мест не столь отдаленных вернулся Захар. И вместе с Зойкой отправился на Кукуй-гору, здесь все и произошло. Жак пожалел о своей глупости, попробовал, но не смог вернуть Зойку.

И женская красота в ней, и загадочная изюминка, и фигурка на загляденье. Но мужественность не ис-

чезла, она осталась в характере. Зойка все такая же смелая и отчаянная, как прежде. Захар бросил вызов Ставр, первому в городе авторитету, и Зойка его подержала. Подключился и Жак. И в такой переплет они тогда угодили! Но ничего, прошел год, и у них теперь свое частное охранное предприятие — «Горохрана». Сфера влияния — практически весь город. И Ставр уже ничего не может с ними поделаться. Ему сейчас ничего не остается, как искать мирные способы сосуществования с ними. И Зойка во всей их системе — чуть ли не первый человек после Захара. На ней столько завязано...

— Да не вопрос! — с приблатненной интонацией в голосе отозвалась Зойка.

И, подмигнув Захару, скрылась в бытовке. Минуты через две вернулась — в футболке и спортивных шортах. Захар усмехнулся. Все правильно, реальные пацаны голышом не понтуются.

Но Захару не нужен сейчас пацан. Ему нужна жена.

— Так не пойдет! — мотнул головой он, с ироничной улыбкой глядя на нее.

— Все путем!

— Двадцать три раза!

Захар принял упор лежа, отжался. А когда поднялся, Зойка уже стояла перед ним без одежды. И в призывной позе. Захар улыбнулся, блеснув фарфоровыми зубами. Зойка правильно его поняла, именно это он и дал ей сейчас понять.

Он стремительно подошел к ней, подхватил на руки.

— Когда-нибудь мы уьемся! — пробормотала Зойка, когда он уложил ее на самый край их любимого камня.

Уложил на матрас, который при сильных порывах тел все норовил сползти с камня. Но именно это и усиливало остроту ощущений.

— Надо прекращать, — кивнул он.

— Я бы не хотела, — мотнула головой она, завороченно глядя на него.

— Как только мы отпочкуемся, так и прекратим.

Зимой этого года Захар попал в оцип. Ему прострелили ноги, выбили зубы, еще бы чуть-чуть — и все. Но раны зажили, на месте выбитых появились фарфоровые зубы. А вот если они с Зойкой рухнут сейчас вниз со скалы, костей не соберут. Смерть не страшна, тем более одна на двоих. Но как только у них появятся дети, полеты над пропастью надо будет прекратить. Их дети не должны остаться сиротами. Так они решили...

Но ситуация в их системе сложная. Стабильность есть, но безопасности нет. В любой момент может прилететь пуля. Именно поэтому они не торопятся с детьми. Но при этом они торопятся жить.

— Ты будешь говорить или делать?

— Лови момент!

Зойка закрыла глаза, принимая предложенный ритм. Но очень скоро ей стало не хватать скорости, Захар задал жару, и матрас мало-помалу стал съезжать с камня. Но Захар не остановился. И Зойка продолжала сходить с ума вместе с ним...

* * *

Мсть — благородное дело. И для благородных людей. А Дорофей, он хоть и не голубых кровей, но далеко не какое-то там быдло. Его в Горновке знают, боятся, уважают. А на зоне он и вовсе на голубую кровь едва не перешел. Был там один фрукт, хотел права на нем качнуть, пришлось в рог ему дать.

А права у Юзыка на Дорофея были. Это все из-за Люськи, которая сама была во всем виновата. Ходила по поселку в короткой юбке, напрашивалась. Ну, Дорофей и не сдержался. А на зоне за «лохматую» статью предъявляют. Если не сможешь отбиться, заключают, затыкают. У Юзыка челюсть хлипкой оказалась, вслед за ним в больничку никто не захотел. Не тронули Дорофея, но все пять лет его сторонились как опущенного.

А Люська все такая же, как прежде. Волосы распущены, платье короткое, облегающее. Живот, правда, уже не тот. Выпирает животик. И задницу по сторонам разнесло. Жопа с ушами. Грудь уже не так выпирает. Но Дорофей все равно смотрел на нее как кот на Масленицу. И желание отомстить затвердело до зуда в нервах.

Люська шла, глядя куда-то в сторону. Мужика, видать, заметила. А реальный мужик он здесь, лоб в лоб.

— Ну, здравствуй! — ухмыльнулся Дорофей.

Люська аж подпрыгнула, увидев его. Глаза из орбит едва не выскочили.

— Ты?!

— Да вот, в отпуск отпустили.

— В отпуск?! — Люська хоть и была в шоке, но не поверила.

В натуре, какие на зоне отпуска?..

— Гульну с тобой, сукой, и обратно.

— Не надо со мной! — Люська попятилась, оглядываясь по сторонам.

Дорофей ухмыльнулся. Они находились в центре поселка: с одной стороны автостанция, с другой — пятиэтажка с универмагом. Люди ходят, но никто не станет заступаться за Люську. Дорофей мужик здоровый, метр девяносто в рост, рука такая же тяжелая, как у бабы нога. Кто в здравом уме захочет с ним связаться?.. Ну, если только менты.

— Как это не надо! Если ты на меня заявила, значит, еще хотела! И получишь!

Люська вдруг взбодрилась. Она смотрела куда-то за спину. Видно, подмогу заметила.

Дорофей развернулся и увидел пучеглазого мужика, который тянул к нему руку, собираясь схватить за плечо.

Дорофей ударил его с размаха, кулаком в челюсть. Мужик сначала упал, а потом уже удивился. И, хлопая зенками, сел на задницу.

— Костя! — Люська чуть не разрыдалась от обиды.

И руки сомкнула в ладонях, приложив их к груди.

— Кто? — икнув, спросил Костя.

— Дорофей!

— Кто?! — Мужик вскочил, собираясь взять реванш, но Дорофей остановил его — на этот раз с ноги.

Так в грудину въехал, что хребет хрустнул. Так и позвоночник в трусы может ссыпаться.

— Готовься! — Дорофей глянул на Люську и движением руки показал, как будет натягивать ее парус на свою мачту.

И направился к магазину. Надо было взять пару пузырей особой краски. Водка, она белого цвета, но раскрашивает жизнь в радужные цвета.

— Я тебя посажу! — донеслось вслед.

Дорофей ухмыльнулся. Бессильная злоба со стороны опущенного могла только радовать.

Он мог бы повернуться и добить Костю. Но делать этого не стал. Горновка — поселок не простой, здесь не только участковый в опорном пункте милиции, но и целое отделение со своим уголовным розыском. Ментов здесь больше, чем нужно, и они только рады будут показать, что недаром едят свой хлеб. Заметут Дорофея, пришьют чужой ярлык и зашлют к Макару телят не гонять.

А у магазина стояли двое. Боров и Шулик. Один высокий, жилистый, другой короткий, но коренастый, эдакий маленький квадрат на ножках. Прыгающий квадрат. Дорофей своими глазами видел, как Шулик однажды врезал Борову с прыжка — кулаком. С одного удара срубил.

Раньше Боров и Шулик враждовали, а сейчас они вместе. Поддерживают друг друга. Стоят плечом к плечу, покачиваются. Рожи красные, глаза залитые. И оба на Дорофея смотрят. Но молчат, лбы морщат. И хотят что-то сказать, но не знают, с чего начать.

— Бухаем, братва? — спросил Дорофей.

— Бухаем, — кивнул Боров.

— Братва, — тяжело ворохнул языком Шулик.

— А где ханка?

Шулик сунул руки в карманы брюк и вывернул их. На нуле мужик.

— У Шляхова есть. — Боров повел головой в сторону дороги.

Дорофей проследил за его взглядом и увидел Костю, который открывал дверь новенькой на вид «семерки». И Люська собиралась садиться в машину вместе с ним.

— Шляхов?

— Ну, муж твоей Люськи... Люто ты с ним! — Шулик выставил вверх большой палец правой руки.

— Муж Шляхов, а жена — Шлюхова! — засмеялся Дорофей.

— У них водка дешевая, — сказал Боров.

— Двадцать рябчиков за пузырь. В магазине — сорок. — Шулик вяло махнул рукой в сторону пятиэтажки.

— Он что, самогон гонит?

— Какой самогон, если в магазине? — скривился Боров. — Чисто спирт. С водой.

— И не паленка, — кивнул Шулик.

— И много? — задумался Дорофей.

— Нам хватит.

— А кому отстегивает?

— В смысле, кому отстегивает? — Боров приподнял пальцем веко — для того, чтобы получше разглядеть Дорофея.

— Ну, крыша у него какая?

— Шиферная крыша.
— Какая, на шиферная... У нас тут что, рэкета нормального нет?
— А-а, рэкета!.. — наконец-то дошло до Борова. — Да был у нас тут Косой...
— Повязали его... — махнул рукой Шулик. — Гаркуша пожалился, менты меры приняли...
— Гаркуша?
— У него «КамАЗы» свои... Это, щебень в Алтанай возит... Ик!.. — Боров икнул и скривился, давая понять, что каждое слово дается ему с трудом.
— Может, менты сами с него снимают? — спросил Дорофей.
— Ты это, брать будешь? — спросил Шулик, поворотом головы показав на магазин.
— Да возьму, — в раздумье кивнул Дорофей.
Менты везде борзые, и нигде они свои позиции так просто не сдают. Но братва продавливает их, люди миллионные состояния на рэкете и крышах поднимают. Дорофей знал таких лично... И он может подняться.

* * *

Озеро Эбэр — изогнутый водяной рог посреди гор. Вода кристально чистая, солнечные лучи падают в нее, но тут же выныривают, подсвечивая озеро изнутри. И даже отражение темнохвойных гор не может затемнить его. Красиво. Но вода холодная, нужно собраться с духом, чтобы окунуться.

— А-а! — Олег разогнался, пробежал вдоль по мосткам над водой и сиганул в воду.

Он и вчера так делал, и позавчера. И ничего, жив- здоров. Даже насморк не подхватил.

Вода обожгла тело, кровь хлынула в голову, сознание просветлело. И от сна не осталось ни следа.

— О-о!

Олег вынырнул, зафыркал, сбрызгивая с губ воду. Хорошо!..

Он закалялся с детства. Сначала отец заставлял, затем сам вошел во вкус. И спортом занимался с ранних лет. Бокс, плавание, баскетбол. Большим чемпионом не стал, но спортивным телом обзавелся. Может, поэтому девушки на него и засматривались.

Олег заметил одну такую. И увидел свет, исходящий от ее улыбки. Девушка стояла за коттеджем и смотрела на него из-за угла. И можно догадаться, кто это.

На базе у озера всего шесть коттеджей по четыре номера в каждом, плюс директорский дом. Коттеджи как бы строили для передовиков производства, но отдыхало здесь, насколько понял Олег, заводское начальство. Неплохо устроились товарищи. Комбинат убыточный, долгов больше, чем воды в озере, а они отдыхают, ни в чем себе не отказывая.

Сейчас на комбинате новое начальство, а база отдана под гостиницу для специалистов, которые поднимают хозяйство — прокладывают транспортные магистрали, устанавливают и настраивают новое оборудование, работают над повышением производительности труда, совершенствуют схемы управления и сбыта. А Олег должен за всем этим следить. Как старший сын главного акционера. Потому и живет он

здесь не абы где, а в директорском доме. Там все к его услугам, даже горничная персональная.

А горничная из местных. И зовут ее Люба. Девушка очень даже ничего собой — ясноглазая, белозубая, веселые ямочки на щеках. Пышная грудь, тонкая талия, нижний объем такой же аппетитный, как и верхний. Ножки стройные, но щиколотки широкие. Да и без этого видно, что Люба склонна к полноте. Впрочем, Олегу все равно. Он жениться на этой простушке не собирался. Жизнь длинная, а планы на Любу короткие. Лекарство от скуки, не более того.

Олег подплыл к мосткам, зацепился за край, подтянулся, демонстрируя мышечную силу. Люба смотрела на него, любовалась, а он рисовался перед ней. И сила у него есть, и мышечные кубики на животе в наличии. Был и размер в плавках, но после холодной воды он просто не мог выглядеть внушительно.

Олег взял полотенце, вытерся, направился к дому. И Люба шмыгнула за угол, как будто ее и не было.

Она сидела на скамейке у закрытой двери. И вид у нее был отстраненно-задумчивый. Как будто она и не знала, где хозяин дома и чем он занимается.

— Ой! Олег Александрович! — встрепелась Люба, увидев его.

Вскочила, повернулась к нему, ярко улыбнулась. Зубы у нее идеальные от природы, стоматолог там не ковырялся. А сарафан сам по себе не рождается, его шить нужно. Хорошая материя, кройка со вкусом, шитье, но этого как раз и не было. Есть дыня с названием «Колхозница», так вот и сарафан из той же серии. Но дыни в нем смотрелись аппетитно.

— Чего сидим? — Олег насмешливо смотрел на нее, полотенцем вытирая затылок.

Рука поднята вверх, грудные мышцы в движении. Это должно возбудить Любу.

— Да вот, думала, что вы уже уехали.

По долгу своей службы Люба не должна была действовать Олегу на нервы, поэтому она приходила после того, как он уезжал на завод. Это сегодня он припозднился. Лишнего вчера себе на грудь позволил, спать лег после двенадцати, а сегодня с трудом разодрал глаза.

— И ключа у тебя нет?

— Есть! — Люба достала из кармана ключ.

— Ну, и чего сидим?

— Ну, солнце сегодня хорошее... — опустив голову, затаенно улыбнулась она.

— Открывай.

Люба кивнула, открыла дверь, посторонилась, пропуская Олега.

— Не открыла. — Он постучал по своей груди.

— Как не открыла?

— Дверь в мою душу. В прихожую к моему сердцу.

— В душу? — Люба захлопала глазами.

— В сердце к мужчине можно попасть через голову, через душу. И через желудок.

— Да, через желудок, я слышала... — закивала Люба.

Олег обнял девушку за талию, она дернулась, как будто вокруг нее змея обвилась. И дернулась в сторону от входа, но он подтолкнул ее к дверям. И заставил зайти в дом.

— Через желудок — это как через пожарный выход... Ты умеешь готовить?

На директорский дом не скупились. Кухня, совмещенная со столовой, каминный зал, три спальни, мебель из советских времен, но из внешнеторговых фондов.

Кухня в полном комплекте: гарнитур, мойка, электроплита, дорогая посуда. Сюда Олег и увлек Любу, заставив ее упереться задом в разделочный стол.

— Ну конечно!.. — с тревогой во взгляде улыбнулась она. — У меня такие вкусные голубцы получаются, даже тетя Тая так не может...

— А пожарным выходом пользоваться умеешь?

— Ну, если ключ от него есть...

— Пожарный выход всегда должен быть открыт. Шланг, брандспойт — все должно быть подключено... Брандспойтом пользоваться умеешь?

— Я же не пожарный! — Люба мотнула головой, большими глазами глядя на него.

— Мужчина загорается как спички. Если женщина не умеет его тушить, то какая она жена? — Олег пристально смотрел на нее.

— Я не жена!

— А надо уметь. Иначе мужчина будет гореть на чужой женщине. Пока не перекинется на другую...

— Я вас не понимаю.

— Настоящая жена должна сделать так, чтобы муж горел только на ней. Настоящая жена должна все знать и уметь...

— Что знать?

Олег хитро усмехнулся, повернулся к Любе спиной и на ходу бросил:

— Там в холодильнике что-то есть, приготовь мне что-нибудь.

— Хорошо.

— Но учти, абы что я не ем.

Люба приготовила «ленивые» вареники, подпекла в духовке бутерброды с ветчиной, получилось очень вкусно. И Олег ее похвалил. Но про пожарные выходы с брандспойтами больше не говорил. И рукам волю не давал. А Люба ждала. Уж очень хотелось ей поговорить с ним на тревожную тему, нужно же было показать, что она не *такая*...

Это у него на нее были короткие планы, а она собиралась въехать на нем в далекие перспективы. Олег не мог ее за это осуждать, но губозакаточная машинка без дела не останется. Но губы сначала нужно раскатать, и он уже занялся этим...

* * *

Цех в сарае, спирт в канистрах, вода в колодце. В поселке у Шляхова свой пункт приема стеклотары, так что с бутылками до последнего времени проблем не было. Пока пункт этот не сгорел.

Шляхов стоял на пепелище и чесал репу. Он даже не заметил, как Дорофей подошел к нему.

— Вагончик надо было покрасить.

Шляхов дернулся как ужаленный, едва услышав его.

— Тут дома нормальные, а у тебя вагончик не покрашен. В пейзаж не вписался. Такой вот натюрморт.

- Ты сжег?
- Никто ничего не докажет, — ухмыльнулся Дорофей.
- Ты!!! — Шляхов неосторожно ткнул в него пальцем, но попал на прием и взвыл от боли.
- Ты в кого пальцем тыкаешь, урод?.. Я в твою Люську по самое не балуй натыкаю!.. А потом в землю! И никто ничего не докажет, понял?..
- Понял, понял... — захныкал мужик.
- Ну, если понял, давай домой. И за сараем гляди, а то сторит не ровен час.
- Сарай?! — обомлел Шляхов.
- А как ты хотел? Противозаконный спирт сам по себе загорается, а ты не знал? — ухмыльнулся Дорофей.
- Почему противозаконный?
- А это ты в налоговой спросишь.
- Да нормально у меня все...
- Проверим. Обольем тебя спиртом, если загорится, значит, нормально все...
- Шутки у тебя... — У Шляхова от бессильной злобы дернулась щека.
- Это не шутки, это кошмар. В твоей жизни... Хочешь в кошмаре жить?
- Э-э, может, договоримся? — наконец-то допетрил мужик.
- Договоримся, — ощерился Дорофей. — Если хочешь спокойно жить, будешь платить. Если нет, сначала Люську твою на шутки пустим, а потом и тебя.
- Сколько?
- Пять рублей с пузырька.